ВАМП. Практикум по целительству

Автор:
Лана Ежова

ВАМП. Практикум по целительству

Лана Ежова

По ее лестницам поднимались тысячи подающих большие надежды магов. Веками ее стены впитывали сотни секретов и тайн. Под ее сводами зарождалась крепкая дружба и кровная вражда, вспыхивала прекрасная любовь и жгучая ненависть. Она – легендарная Вышеградская академия магических практик, ее двери открыты для тех, кто жаждет огранить свой дар, чтобы верно служить империи.

Я же стала студенткой ВАМП не ради знаний, а в поисках защиты и возможности вернуть счастливое прошлое. Вот только, вырвавшись из лап шпиона, охотящегося за изобретением отца, угодила в новую авантюру. Вдобавок прославленный преподаватель стал придираться по мелочам, заносчивый внук герцога никак не может определиться, нравлюсь ли ему я, а безбашенные боевики втянули в опасную игру…

Лана Ежова

ВАМП. Практикум по целительству

Глава 1

Студентка и авантюристка

Посмотрев под партой на амулет вызова, не спешу выбираться, всей кожей ощущая внезапную тишину в аудитории.

– Адептка Близард, что вы делаете? – неожиданно близко раздается спокойный голос Каррая, искусника, который читает лекции по спецкурсу «Паразиты. Условно высшие формы».

– Я карандаш уронила… достаю, – отвечаю все так же из-под парты, спешно пряча амулет за воротник ученической мантии.

– Не слишком ли долго достаете, в то время как другие записывают признаки заражения?

Красная, как вишня, усаживаюсь на скамью. Готова усваивать материал, но преподаватель не унимается:

– А пять минут назад что вы делали, Близард? Мечтали? Надеетесь, что упырь сам бросит жрать пациента и сбежит? – Вопросы Каррая пронизаны иронией. – Такое возможно только в ваших грезах. Будете спать на моих занятиях – пойдете паразиту на закуску.

Его слова звучат, видят святые покровители, не как предостережение, нет, – как угроза, и внутри меня все сжимается в холодный клубочек.

Я люблю предмет Каррая, необычную манеру искусника подавать материал, но сам он слишком въедлив и придирчив. Особенно это проявляется в отношении меня. Впрочем, буду честной, сейчас я достойна порицания. Но что поделать, если не могу настроиться на лекцию? Во-первых, в расписании она стоит последней, когда усталость дает о себе знать, а желудок корчится от голода. Во-вторых, именно этого искусника я боюсь до дрожи в коленках, а он, как назло, сегодня не сводит с меня задумчивого взгляда. В-третьих, меня ждут в другом месте, и я не без оснований опасаюсь, что могут и не дождаться.

Пока я краснею и набираюсь смелости для достойного ответа, поток веселится. Смешки рассыпным горохом катятся по аудитории, студиозусы, преимущественно сокурсницы, наклоняют головы, пряча улыбки. Быть жертвой Каррая никому не хочется, и тот факт, что благодаря мне их эта участь миновала, многих радует. Как поговаривают старшекурсники, преподаватель с

боевого факультета выбирает кого-то одного и придирается в «воспитательных» целях до самого выпуска. Раньше в «любимчики» целители, к тому же девушки, не попадали, поэтому могу собой гордиться – для меня сделано исключение.

Эх, и чем же я заслужила сию честь? С учетом того что на факультет целителей попала сразу после зимней сессии. Неужели у мага настолько сильная интуиция, что он правильно выбрал идеальную жертву?

– Простите, искусник Каррай! Но я не замечталась, – сжимая под партой кулаки, возражаю с вызовом, громко.

Ну как громко? В моем представлении произнесла отчетливо, а в действительности жалко пропищала.

– Да что вы говорите, Близард? А было так похоже! – наигранно огорчается Каррай. – Что же вы тогда делали, позвольте узнать?

Когда преподаватель произносит мою фамилию, его четко очерченные уста кривятся, словно он откусил кусок кислого-прекислого, да еще и червивого яблока.

– Давала отдых руке, я не привыкла настолько быстро писать.

– Тренируйте руки, адептка, для целителя они…

– …главный инструмент работы, – невольно вырывается у меня любимая фраза преподавателя, ведущего практикум по зельеварению.

Седовласый преподаватель, мотыльком порхающий по лаборатории, неустанно повторяет, что хилый целитель правильно не сварит декокт и не перетрет травы в порошок нужной консистенции слабыми ручонками.

– К вашему сведению, главный инструмент врачевателя, да и любого другого мага, – это мозг, что бы там ни говорил искусник Вогар.

Мои сокурсницы, преданно заглядывая в рот своему кумиру, вновь хихикают.

– Тишина в аудитории! – Каррай поднимает руку, и хохотушки подчиняются приказу. – Отдам должное адептке Близард, которой хватило смелости признаться в своей слабости.

Я стискиваю зубы. Вроде бы и похвалил, а на деле снова уколол.

– Вижу, многие не успевают за мной записывать? Хорошо, предоставлю возможность перевести дух. Заодно узнаете, что вас ждет на практическом занятии.

Каррай подходит к большому, почти в рост человека, черному ящику, который уже стоял на столе, когда мы вошли в аудиторию. Положив загорелую руку на стенку загадочного вместилища, Каррай мастерски выдерживает паузу, добиваясь необходимой концентрации внимания слушателей. Подвернутые до локтя рукава белой рубашки позволяют рассмотреть легендарные руны, покрывающие предплечья преподавателя. Рисунки, если верить слухам, в знак преклонения перед доблестью врага нанес шаман орохоро, пока искусник находился в плену.

Невольно с защитных знаков мой взгляд перемещается дальше, бродя по фигуре Каррая. Форменную мантию он обычно игнорирует, предпочитая принятую в среде боевых магов удобную одежду. Кожаный жилет, рубашка и штаны из плотной материи подчеркивают хорошо развитую мускулатуру. Неудивительно, что высокий, статный, с горделивым разворотом плеч, грациозно двигающийся искусник, несмотря на колючий характер, волнует не одно и не два девичьих сердца.

Я рассматриваю преподавателя искоса, из-под ресниц. Несправедливо, что такой привлекательный мужчина – и невыносимый гад. Впрочем, о чем я? Жизнь вообще часто несправедлива.

– Первый, кто угадает, что за существо сидит в этом ящике, получит допуск к зачету. У вас несколько секунд, пока я открываю замок.

Часть драгоценного времени уходит на то, чтобы студенты осознали услышанное. Затем следует шквал предположений:

– Упырь!

– Химера!

– Миражник!

– Волкодлак!

– Шестилап!

– Жигун!

– Щетинник!

– Орохор! – долетает с заднего ряда, и учащиеся смеются, упуская шанс легко получить допуск.

По-моему, последний ответ наиболее вероятен. Я готова увидеть муляж представителя кочевого народа четырехруких, но уж точно не какое-то опасное существо, жаждущее сожрать человека. Мы целители, не боевики, к тому же первокурсники, поэтому искусник не должен подвергать нас опасности. Если он, конечно, не сошел с ума. А он не сошел, иначе бы не преподавал в ВАМП.

– Увы, все ваши предположения пролетели мимо цели. – Каррай снисходительно улыбается. – Итак, темой нашего следующего практического занятия будет…

Дверца ящика распахивается, и перед нами предстает восьминогое волосатое нечто. Две пары глазок злобно зыркают с треугольной морды, которая практически растет из округлой туши. Нереально быстрая кровососущая тварь. Один укус – и человека парализует на несколько часов, как раз достаточный срок, чтобы в него отложили яйца и немного съели…

Определенно, наш препод сошел с ума!

– Арахнид! – выдыхаю я в полной тишине.

Мерзкая тварь будто слышит! И прыгает в мою сторону!

Время для меня застывает. Мысли же хаотично скачут взбесившимся табуном.

Нет, искусник не мог принести в обычную аудиторию для лекций полноценную особь арахнида. Его бы уволили, невзирая на заслуги. Да и не стал бы он рисковать нашими жизнями. Значит, тут подвох…

Одно заклинание шепотом, чтобы определить иллюзию, другое – громко, на всю мощь голосовых связок:

– «Sectis»!

Перед мысленным взором вспыхивает символ, обозначающий команду, и наполняется магией.

Арахнид, метивший мне в лицо, взрывается клочьями удушливого дыма.

– Близард, для развеивания иллюзии достаточно заклинания четвертого порядка. – Замечание преподавателя посреди кашля адептов звучит без привычной насмешки.

– Я же не знала, что это иллюзия, искусник Каррай! – Соврав, стараюсь не покраснеть.

Сердце ошалело колотится в груди, хотя опасности больше нет.

– А должны бы знать, адептка. Принцип определения иллюзий ваш поток повторял, когда проходил миражника.

Могу поспорить, среди моих соучеников можно по пальцам пересчитать тех, кто распознал обман.

– Прошу прощения, искусник Каррай, мне не хватило времени.

И снова ложь. Я даже «sectis» выбрала осознанно, а не интуитивно. Но преподаватель об этом никогда не узнает, потому что я не имею права показывать свои истинные возможности. Быть в толпе, ничем не выделяясь, – не прихоть, а необходимость, от которой многое зависит. В том числе моя жизнь.

– Вы будущий целитель, Близард. Холодная голова, умение рассчитывать свои действия и силы наперед, четко распределять время – это то, от чего будет зависеть не только ваша жизнь. – Слова боевика созвучны моим мыслям. – Кстати, это касается всех. Итак, адепты, ближайшее практическое занятие мы посвятим арахнидам и способам с ними справляться. Вы меня приятно удивите, если придете на него, перечитав лекцию. На сегодня все, свободны.

Возбужденно галдя, студенты торопливо собираются и дружно валят в коридор – похоже, не только у меня желудок прилип к позвоночнику. Только они, счастливчики, пойдут в столовые при общежитиях, мне же еще идти домой.

Следует признать, чего у Каррая не отнять, так это умения заинтриговать. Через два дня на практическую пару все придут хорошо подготовленными. Увидев арахнида, пускай и иллюзорного, многие прониклись и осознали, что подобных тварей лучше не недооценивать.

Я почти у двери, когда слышу оклик искусника:

– Близард, задержитесь.

Бодрящее ощущение, возникшее в момент мнимого нападения паразита, заканчивается, и страх перед преподавателем возвращается на прежнее место.

– Д-да, искусник Каррай?

Святые покровители, как я ненавижу себя за дрожащий голос!

Приблизившись к столу лектора, начинаю тщательно изучать острые носки своих сапог, выглядывающих из-под ученической мантии. На что угодно смотреть, лишь бы не встречаться с Карраем взглядом.

– Где ваши манеры, адептка? На собеседника полагается глядеть!

Нехотя подчиняюсь.

Каррай хмур, и оттого его лицо с резковатыми чертами выглядит еще суровее. Темно-русые, почти черные волосы, достигающие основания шеи, обычно зачесаны назад, а сейчас растрепаны. Несколько прядей вольготно лежат на широком лбу и закрывают виски.

– Зачем вы солгали?

– П-простите? – Вздрогнув, боюсь, я нечаянно выдала себя с головой.

– Вы распознали, что арахнид – иллюзия, но предпочли атаковать его мощным заклинанием. Почему?

– Искусник Каррай… я сожалею, но… но вы мне льстите.

В ответ он улыбается, обнажая белые крепкие зубы. И эта улыбка настолько хищная и предвкушающая, что на меня резко накатывает дурнота. Я попалась? Неужели он меня вычислил?!

– Близард, по-вашему, в преподавательский состав ВАМП входят идиоты?

– Н-не знаю, – блею испуганно. И тотчас исправляюсь, осознав, что произнесла: – Простите, нет, конечно! Нет, искусник, идиоты не входят!

Забавляясь моим смущением, он интересуется:

– Так зачем вы скрываете уровень своего дара? Думаете, я один это заметил? Вы что, беспокоитесь, что вас переведут на боевой факультет?

Страх мгновенно отпускает. Нет, не попалась. По крайней мере, пока.

– Я мечтаю стать целителем, искусник Каррай, но никак не боевиком.

Решив подыграть преподавателю, придумавшему удобное объяснение моим странностям, не рассчитываю, что он оседлает своего любимого конька и начнет втолковывать о великой чести – об учебе на факультете боевой магии. Пунктик, не иначе…

Пока он вдохновенно объясняет, что в непростое для страны время воины-маги нужнее врачевателей, я успокаиваюсь и, расслабившись, теряю нить разговора.

У Каррая богатая мимика, и она порой завораживает. Густые темные брови, взлетая вверх, иронично изгибаются. Когда речь идет о тыловиках, длинный нос с горбинкой чуть морщится, искусник презрительно щурится. Его глаза примечательны и необычны: карие, с чуть заметными вкраплениями зеленого и желтого. Моя мама такие называет ореховыми или цвета вышеградского пива. Этот крепкий напиток с резким вкусом и запахом обожают местные боевики. Но мне кажется, что такие глаза стоит называть болотными. Потому что затягивают…

– Вы понимаете, Близард? Империи боевики нужнее, чем целители!

– Д-да. – Я отмираю, мысленно отвешивая себе оплеуху.

Святые покровители, спасите! Да я ведь засмотрелась на своего преподавателя, самого опасного для меня человека в академии! Глупая гусыня…

– Я все понимаю, но мне претит убивать. Я хочу не отнимать жизнь, а дарить…

– Дарить? – перебивает искусник. – Тогда выходите замуж и рожайте детей!

Ну вот, недолго он разговаривал со мной нормально, опять подкалывает.

Вспыхнув до корней волос, бормочу:

– Я хочу дарить жизнь в смысле исцеления. К тому же не настолько у меня сильный дар, чтобы идти на боевой.

– Близард, вы снова? – хмыкает Каррай и предупреждает: – Отпирайтесь дальше, и когда мне надоест слушать ложь, отправитесь к Неспящему Оку.

Внутри все холодеет. Только не это… Неспящее Око – главный артефакт академии. Одна из его многочисленных возможностей – это проверка уровня магического дара. К Оку ходят по собственному желанию либо, в особых спорных случаях, по настоянию руководства учебного заведения.

Я с деланым равнодушием пожимаю плечами. Что сказать, не представляю, но оправдываться и не приходится. Спасение приходит оттуда, откуда меньше всего ждешь.

– Что здесь происходит? – скрипуче произносят позади нас. – Ларсер, негодный мальчишка! Ты опять сманиваешь моих адептов?

Искусник Вогар, который ведет практикум по зельеварению и по совместительству является деканом целительского факультета, грозно стоит на пороге аудитории.

К моему большому потрясению, Каррай улыбается – светло и, пожалуй, озорно.

– Каюсь, искусник Вогар! Вы меня поймали на месте преступления. – Подняв руки вверх, он признает свое поражение. – Больше не буду.

– А больше и не надо, – сварливо заявляет декан. – Подтягивай уровень своих оболтусов, а о моих и не мечтай.

Седовласый, но с черными как смоль бровями, Вогар ниже Каррая на полторы головы и кажется болезненным хилым старичком. Но, как уверяют целители со старших курсов, во время практики в горах он неутомимее большинства своих юных студентов.

Преподаватель с боевого факультета смеется:

– Мои ребята оболтусы, согласен. Тогда как среди целителей несерьезных студентов практически нет.

– Это потому, что мои детки изначально понимают: целительская стезя – не тазик медовых плюшек. В первую очередь это ответственность и в последнюю – признание. К вам же многие идут за приключениями и славой великого боевого мага.

Слушая разговор преподавателей, тихонько пячусь. И осторожно, шаг за шагом приближаюсь к плащу с сумкой, оставленным на парте. Вроде бы и уйти, прерывая их беседу, невежливо, но и тянуть дольше нельзя.

– Я могу быть свободна, искусник Каррай? – спрашиваю несмело, хватая свои вещи.

– Конечно, Близард. – В голосе боевика удивление, вызванное тем, что я все еще здесь.

Облегченно вздыхаю, но тут вмешивается декан:

– Соннэя, деточка, что нового по поводу общежития?

Со скрытой досадой смотрю на Вогара:

– Все по-старому, искусник. Мест нет.

Каррай изумленно вскидывает бровь, и мне хочется поскорей убраться из-под прицела его болотных глаз. Точно такой холодок страха однажды пробежался по спине, когда лесной разбойник навел на меня арбалет. Повезло, что совершала конную прогулку не одна, с отцом, который быстро разобрался со стрелком. Сама бы я тогда не справилась – слишком неожиданно бородач выскочил на дорогу, и я растерялась.

– Как вышло, что для вашей студентки не нашлось места в общежитии?

Декан чуть морщится:

– А что ты хотел, если она поступила посреди учебного года? Я взял одаренную сверх положенной нормы. Но на общежитие моя власть не распространяется.

– Пусть подселят к кому-нибудь.

– Издеваешься? Изначально положено размещать по два адепта в комнате, у нас же живут по трое!

Разговор грозит перерасти в спор. И я тихонько напоминаю о себе:

– Так я пойду? Мне добираться домой долго, а погода портится.

Декан огорченно кивает:

– Иди, милая, иди…

Уже выходя из аудитории, слышу вопрос моего персонального кошмара:

– Наставница адептки Близард доводится вам родственницей, почему вы допустили, что девчонка живет за пределами студенческого городка?

Живет? Скорее выживает… Уже целых тридцать восемь дней. При воспоминании о съемном флигеле меня передергивает. Я единственная, кто ночует за пределами кампуса, местные студенты и те поселились в общежитиях. И даже то, что декан – родственник моей учительницы травоведения, не способствует получению комнаты. Сдать вступительные экзамены среди учебного года помогло, а с бесплатным жильем нет. Грустно, но что поделать… В общежитие для аристократии и среднего сословия меня бы взяли хоть сегодня, но суммы для необходимого взноса нет, а занимать у Вогара совесть не позволит, хоть он и предлагал.

Коридоры академии пусты и тихи. Пятница, близится вечер. Завтра у кого-то выходной, а у кого-то отработки и практические. Первому курсу пока везет, и субботы у нас еще свободны.

Проигнорировав маголифт, сбегаю по широкой лестнице. Каблуки сапог непривычно громко стучат по темно-зеленым мраморным плитам. Я не смотрю по сторонам – к красотам Вышеградской академии магических практик все еще не привыкла, но отвлекаться на них сейчас нельзя, и так опаздываю.

Кидаю взгляд на амулет вызова и немного успокаиваюсь. Синий, все так же синий. Значит, в моих услугах по-прежнему нуждаются, но ситуация не критична.

Выйдя из академии, продолжаю бежать сначала по ступеням парадной лестницы, затем по двору к центральным вратам. Быстро, до покалывания в боку, мчусь мимо административного здания, мимо крытого полигона, мимо здания с телепортами, лечебницы и лабораторий. Весь путь, если верить часам, занимает двадцать минут, что почти на десять минут меньше обычного.

– Соннэя, опять в библиотеке засиделись? – интересуется один из двух стражей, черноусый дядька с добрыми глазами.

– Пятая пара затянулась. – Не вдаваясь в подробности, протягиваю руку.

Боевик прикладывает к моему ученическому браслету артефакт, который считывает данные и отсылает напрямую Неспящему Оку. Нарушений нет, выход в город разрешен. Ага, попробовали бы меня не выпустить, ночевать бы мне пришлось в саду или с лошадьми в конюшне.

– Хороших выходных, адептка.

– До свидания, эрд Бролл.

«Магия – это сила, помноженная на ответственность…» – походя читаю горящие магическим огнем слова на вратах, а затем правая створка приоткрывается, и я выскакиваю наружу.

Глубоко вдыхаю морозный воздух. Мне все сдается, что за пределами кампуса пахнет по-иному. Впрочем, не удивлюсь, если так и есть. В высоченный забор, ограждающий территорию ВАМП, вплетены десятки заклинаний. Очищающее воздух от резких запахов скорее всего среди них тоже имеется. Учебное заведение магов должно быть защищено от любых опасностей, в том числе и от удушливого дыма возможного пожара.

Через три дома меня дожидается карета. Покрытая черным лаком, без опознавательных знаков и гербов. Я уже не оглядываюсь, как в первые дни, по сторонам, хотя боязнь, что кто-то из преподавательского состава академии увидит, как сажусь в нее, и будет задавать неудобные вопросы, все еще не прошла.

– Здравствуйте.

Кучер кивает на приветствие и стучит в стенку позади себя. Дверь кареты распахивается, и при виде попутчика мое настроение портится.

– Добрый вечер, Йоль.

Крепкого телосложения блондин помогает забраться внутрь. И при этом по-стариковски брюзжит:

– Мы прождали почти час.

– Я оставляла твоей госпоже расписание пар, так что моей вины тут нет.

Карета трогается, и я начинаю приводить себя в порядок. Для начала снимаю студенческий браслет: нельзя, чтобы Неспящее Око получило сигнал, куда меня везут. Нет, сразу оно не прореагирует. Но если у кого-то возникнут подозрения, что я нарушаю устав ВАМП, сделают запрос, и артефакт выдаст маршрут моих перемещений за пределами студенческого городка. И вот тогда моим планам и чаяниям наступит конец… Иногда я жалею, что узнала, как избавиться от опеки Неспящего Ока: не нарушай я правила, избежала бы многих неприятностей.

После браслета наступает черед белокурого парика, под которым прячу приметные черные волосы с фиолетовыми прядями. Лицо скрывает красная бархатная полумаска. Свой плащ оставляю на сиденье, надевая взамен черный, надушенный особой смесью из духов и отбивающего обоняние зелья. Там, куда мы едем, легко столкнуться с оборотнями-гайрусами, а узнавание по запаху мне ни к чему.

Подготовка скучна в своей привычности, при этом отлично успокаивает нервы.

В стенку кареты стучат – кучер дает знать, что подъезжаем.

С недовольной миной на лице мой сопровождающий открывает дверь. Проверив, как держится маска, выхожу на улицу.

Фонари возле входа для слуг и поставщиков продуктов уже приветливо горят. Почти все окна трехэтажного особняка также светятся.

Не впервые приезжаю сюда. И все-таки каждый раз чувствую легкое волнение, когда переступаю порог «Сада Фло», лучшего борделя Вышеграда.

Закончив осмотр багровых губ шириной в два моих пальца каждая, вздыхаю. Святые покровители, это ж надо было так саму себя изуродовать!

– Ну что скажешь? Не томи, Соннэя, – шепчет светловолосая девица, лежащая на краю огромного темно-синего ложа.

Во время осмотра она стойко держалась, а сейчас к ее глазам подступают слезы. Хочу обнадежить несчастную, но не успеваю открыть рот.

– Святая Виржия! Неужели все плохо?! – восклицает сидящая на кушетке госпожа Фло, или, как ее здесь чаще всего называют, Садовница. – Цветик, говори скорее, что с Пионой, пощади нервы старой женщины!

Блондинка находит в себе силы пересилить боль и одаряет хозяйку борделя специфическим комплиментом:

– Ох, Фло, тебе достаточно одного благосклонного взгляда, чтобы переманить моих самых верных поклонников!

Онемевшими губами некоторые звуки она произносит забавно, но желания посмеяться ни у кого нет.

Врать претит, но порции лести Садовница, могу поклясться, ждет и от меня.

– С точки зрения целителя, вашей внешности могут позавидовать и двадцатилетние.

Темноволосая женщина с пышными формами довольно улыбается. Ей намного, намного больше двадцати – точную цифру мне как-то поведали по секрету, – но после всех процедур, которые предоставляют лучшие маги-косметологи, она действительно выглядит потрясающе молодо.

– Так ты исправишь, Соннэя? – шлепая раздутыми губами, просит Пиона.

– Исправить могу. Заклинание обратимости подействует, пока не вышло время.

– Соннэя, я истратила целый златник! Не надо все, убери только излишки!

Я с жалостью смотрю на куртизанку, решившую усовершенствовать свою внешность и купившую бракованные чары у шарлатана. Губы девушки и до этого выглядели прелестно, но ей почему-то захотелось придать им пухлости. И таки придала… два приплюснутых и сложенных вместе пирожка – вот на что сейчас похож ее рот.

И да, златник – это много. В Вышеграде за один златник можно пошить бальное платье, скромное, правда, но все же… Или снять на пару месяцев маленький домик в приличном районе города.

Хозяйке борделя надоедает скулеж работницы, и она делает выбор за нее:

– Цветик, давай свою обратимость, а то, пока Пиона сообразит, навсегда превратится в уродца.

Мысленно представив схему заклинания, наполняю его силой и произношу слово-ключ:

– «Retrorsum».

– И это все? – пищит пострадавшая.

– Все. А ты ждала грома и молний? – улыбаюсь удивленной девице.

Она всхлипывает, пока я готовлю охлаждающие примочки. Заклинание аннулировано, но чтобы исчезли краснота и припухлость, нужны зелья и время.

– Ладно, цветики, я побежала. – Фло поднимается с низенькой кушетки, покрытой серебристой шкурой степного волка. – Соннэя, поужинаешь со мной?

Желудок радостно урчит, не подозревая, что его ждет разочарование.

– Спасибо, я не голодна.

Мне не нравится обращение «цветик», будто я одна из ее девочек, а уж чтобы съесть в этом месте что-либо или выпить… Нет уж, спасибо. Да уберегут меня

святые покровители от подобной глупости.

– Ну как хочешь… – Госпожа Фло поджимает губы. – Кстати, помнишь, что завтра у нас день красоты? Жду к девяти.

Мой отказ ее обидел, иначе не назначила бы встречу на столь ранний для обитателей борделя час. Мне придется ждать, пока девушки проснутся и я смогу приступить к наведению лоска.

– Ладно, буду прощаться, мне еще нужно счета проверить. Соннэя, плату за вызов передаст Йоль. Как закончишь, сообщи слуге, одна не ходи по дому.

Напомнив хорошо усвоенные правила, хозяйка оставляет меня наедине с пациенткой.

Тем временем Пиона с горестными стонами осматривает лицо в зеркале.

– Приляг, пожалуйста, – прошу ее мягко. – Я поставлю примочки. Если будешь добросовестно менять их каждые полчаса в течение вечера, утром проснешься, будто ничего и не случилось.

– Угу, «ничего»… Целый златник потрачен зря! А ведь поначалу эффект был что надо… Хорошо, что второе заклинание использовать не успела.

– Второе? Ты купила два заклинания для увеличения губ?!

– По-твоему, я дурочка? – фыркает куртизанка. – Второе для груди…

К слову, грудь у златокудрой красотки большая, но при этом высокая и на вид упругая. Так зачем делать ее еще лучше? Не понимаю.

– Интересненько, а у тебя есть что-нибудь наподобие купленных мной чар? Только чтоб настоящее?

– Эй, не наглей! Я всего-навсего студентка первого курса!

– Зато талантливая, – откровенно льстит Пиона, преданно заглядывая в глаза. – Ну Соннэя, может-таки что-то есть? – И подмигивает: – Я заплачу тебе сама, в обход Садовницы.

Качаю головой – она неисправима. Второй раз предлагает нарушить договор с Фло. Деньги мне нужны. Очень. Но обманывать и рисковать своим шатким положением я не хочу.

– Все зелья и косметические чары только через твою работодательницу. Для груди могу предложить разве что заклинание иллюзии. А вот для губ – сделать бальзам на основе перца-жигунца.

– А разве это не больно?

– Вначале неприятно, но затем остальные компоненты бальзама приглушают жжение, остаются припухлость и ярко-алый цвет губ.

– Хм, интересненько… А как часто нужно пользоваться средством?

– Эффект длится три-четыре часа.

Зеленые глаза загораются предвкушением, и самый востребованный цветик «Сада Фло» деловито уточняет:

– А бальзам поклонника не обожжет? Ну, ты понимаешь, о чем я.

Я могу только догадываться, поэтому просто объясняю правила пользования косметическим средством:

– Если смывать его за четверть часа до поцелуя, то с губами твоего поклонника ничего не случится.

– А не с губами? – хихикает повеселевшая девица.

Многозначительно молчу. И куртизанка, хмыкнув, меняет тему разговора. Не потому, что застеснялась, нет. Она знает: есть темы, которые для меня под запретом, и есть зелья, которые варить не собираюсь, как бы ни просила Фло.

Лучше уж повиниться сразу, получить громадный штраф и вылететь из академии, чем угодить на каторгу за привороты и снадобье влечения. Нарушив свои устои хотя бы раз, рискуешь вообще лишиться каких-либо прав.

На всякий случай повторив, что примочки нужно прикладывать весь вечер, каждые полчаса новую, вызываю служанку, потянув за шнур с пушистой кисточкой. Фло как-то обмолвилась, что, если дернуть за него трижды, прибегут вышибалы спасать цветика от клиента. До сих пор гадаю, что он должен сделать, чтобы продающая свое тело девушка испугалась? Впрочем, просвещаться на эту тему особо и не хочется…

Служанка приходит в сопровождении Йоля. Мрачный блондин кивает Пионе, а мне бурчит:

– Пойдем.

Охранник этим вечером рассеян или чем-то расстроен. Обычно он выглядывает в коридор и лишь потом позволяет мне выйти. Сейчас же, пропуская вперед, широко распахивает дверь и подталкивает в спину.

Свою силу Йоль рассчитывает плохо: вылетев из комнаты, подобно пробке из бутылки с игристым вином, я сталкиваюсь с кем-то в коридоре.

Сталкиваюсь с мужчиной, впечатавшись в него лицом.

– А вот и милая прелестница! – раздается игривый возглас чуть в стороне. – Можно других не искать.

Пальцы уберегшего меня от падения мужчины чуть сжимаются на моих плечах.

– Лайнет, иди куда тебя пригласили, – произносит он знакомым голосом.

И я цепенею от страха. Каррай здесь… Неужели моя авантюра раскрыта?!

– Что, самому понравилась куколка? – веселится второй. – Вцепился в нее клещом.

Преподаватель опускает руки вдоль тела и категорично заявляет:

– Не люблю блондинок.

– С каких это пор? – мощно гогочет Лайнет. – Зато куколке ты нравишься – все никак не отлипнет!

И я с ужасом понимаю, что продолжаю стоять вплотную к ненавистному преподавателю…

– Эрды, простите мою неуклюжую сестру, – наконец вспоминает о своих обязанностях Йоль. – Она у нас дурочка. Соображает туго, зато полы моет на совесть.

Охранник дергает меня к себе.

– Занятные у вас тут поломойки, – насмешливо протягивает спутник Каррая. – Фигуристые блондиночки в масках.

Прижатая спиной к груди Йоля, я теперь могу рассмотреть весельчака. Высокий рост, бугрящиеся под одеждой мышцы и коротко остриженные снежно-белые волосы выдают в нем оборотня. То, как он жадно втягивает носом воздух, подтверждает мою догадку.

– Шагай к своим девочкам, ценитель поломоек. – Каррай подталкивает беловолосого, заставляя его отступить в сторону.

Йоль шустро тянет меня в направлении лестницы для прислуги. Но я, едва не свернув голову, еще успеваю заметить, куда направляются гости Фло: оборотень – к комнате близняшек, Каррай – к спальне рыжеволосой Мартики, которая обладает слабым магическим даром, но почему-то прозябает в борделе. Или не прозябает – драгоценностей на ней больше, чем на иной аристократке.

Всю дорогу до кареты пытаюсь осознать увиденное.

Чисто теоретически я допускаю, что неженатые преподаватели ВАМП могут посещать бордели. Но, увидев Каррая в «Саду Фло», испытываю шок. В моих

глазах образ непобедимого боевика и удачливого истребителя нечисти несколько блекнет. Как можно платить за любовь? А главное, как теперь смотреть ему в лицо на занятиях?..

В карете я, первым делом нацепив браслет, меняю бордельный плащ на свой и снимаю парик с маской. После чего Йоль вручает мне оплату.

Вызов профессионального целителя обошелся бы Фло в среднем в две серебрушки. Мне же она платила четверть этой суммы – пятьдесят медяшек или, если одной монетой, медс.

– Это что? – недоуменно рассматриваю серебрушку. – Ты обсчитался, Йоль.

– Нет, это от меня премия, за то что помогла Пионе.

– Я не могу ее взять.

Йоль сжимает мою руку в кулак, не позволяя отдать деньги обратно:

– Можешь, я предупредил мэтра Фликса, что собираюсь тебя отблагодарить. Это я сопровождал Пиону на ярмарку… и не сумел отговорить от покупки чар. Ее временное уродство – моя вина.

– Да ладно! Не твоя. И даже не Пионы, а того гада, который торгует вредоносными заклинаниями.

– Уже не торгует, – криво улыбается блондин. – Мэтр об этом позаботился.

– Приказал сдать страже?

Йоль, хмыкнув, проводит большим пальцем себе по горлу.

Невольно сглатываю ком страха.

О чем это я, наивная, толкую? Какая стража? Фликс не любит вмешательства властей в свои дела. А порча внешности девочек из заведения сестры – это,

конечно, его забота. Вот он и разобрался сам как умеет…

Карета останавливается в самом начале улицы, на которой находится снимаемый мной флигель. Мы выходим и идем дальше пешком. Не уверена, что подобная предосторожность спасет меня от сплетен, но пока везет – квартирной хозяйке никто не сообщил о странностях ее постоялицы.

– Соннэя, слышь… – Обычно языкатый Йоль нерешительно мнется. – Ты это… извини, что довелось столкнуться с тем мужиком. Лады?

Похоже, премию я получила не только за помощь Пионе.

– Уже забыла. Ладно, я пойду.

– Иди.

Охранник ждет, пока я открываю калитку, приложив к ней входной медальон. Магическая защита опознает во мне домочадца и пропускает в сад.

Лохматая ирдийская псина, которая отлично чует нежить, а мелкую раздирает на куски, радостно выпрыгивает на меня из кустов.

– Привет, Малыш. Прости, косточку купить не успела.

Чтобы погладить пса, наклоняться не надо – его голова достает мне до груди.

Свет в окнах хозяев не горит, и это замечательно: заходить к ним не придется.

В моем флигеле холодно и темно. Зажечь очаг нет ни желания, ни сил. Мне даже ужинать не хочется, настолько измотали события этого дня. Создав небольшой летающий «светляк», я мою руки и переодеваюсь в одежду для сна. Подогрев магией большую кружку молока с медом, выпиваю и тут же заползаю в постель, под два толстых одеяла. Надеюсь, они спасут меня от ночного холода и к утру я не превращусь в сосульку.

В полудреме приходят воспоминания о Каррае. Какое все-таки у него жесткое и горячее тело… Сейчас бы такая грелка мне не помешала…

Глава 2

«Сад Фло»

Утро выдается хмурым, холодным и голодным. Разбуженная урчанием живота, я вылезаю из постели, цокоча зубами.

Со вчерашней усталостью сон, увы, не справляется. А ведь мне еще предстоит много и внимательно колдовать… К счастью, резерв полон, и первым заклинанием этого дня становится заклинание, придающее бодрости, брошенное на кисленький отвар из сушеных ягод трех видов: черники, земляники и белой смородины.

Рассудив, что топить печь и готовить кашу долго, одеваюсь и иду за завтраком в пекарню Алоны Бороды. Иногда можно позволить себе расточительство.

Запах выпекающейся сдобы плывет в морозном воздухе, дразня обоняние и подстегивая аппетит. К булочной при пекарне подхожу, основательно продрогнув и настроившись на вкусный завтрак. Несмотря на ранний час, свет призывно горит в окне лавочки.

Колокольчик над дверью задорно звякает.

– Доброе утро, Эллина, – улыбаюсь жене старшего сына пекарши.

– Доброе, Соннэя! – Улыбка расцветает на лице миловидной брюнетки с блестящими от счастья глазами. Полгода назад она вышла замуж без благословения родителей и не жалеет об этом.

– Обычно тебя спозаранку сюда не отправляют, – замечаю я, обводя голодным взглядом прилавок за спиной девушки, одетой в светло-зеленое платье с белым передником.

Какое разнообразие на полках! Большущие калачи, сахарные кренделя, маковые бублики, баранки с хрустящей корочкой, медовые плюшки, румяные сайки… Вздохнув, разворачиваюсь к лоткам, где лежит хлеб – формовый кирпичиками и самый дешевый в виде толстых лепешек.

– Власко с родными полночи пекли калачи и пирожки для свадьбы дочки мясника Якоба Рябого. Но зная Алону, предположу, что недолго она позволит сыновьям спать, скоро меня кто-нибудь сменит.

– Ясно. Эллина, мне четыре подовых, пожалуйста.

Девушка сноровисто наполняет мой холщовый мешочек лепешками, самым приемлемым мучным изделием для тех, кто экономит. Дешевле, пожалуй, только печь самостоятельно, чего я, к сожалению, делать не умею.

Пока я отсчитываю восемь медяшек, Эллина интересуется:

– Ты только за покупками? Или есть время поболтать?

– А у тебя есть что мне рассказать?

– О да! Кстати, оценишь пирожки? Это моя четвертая попытка, удачная, раз Алона разрешила выставить на продажу.

Невестка пекарши щедро наполняет тарелку пирогами и наливает чашку травяного настоя. Отказаться – значит обидеть девушку, которая считает себя обязанной мне, как говорят, до гробовой доски.

С Эллиной мы не подруги, но есть то, что нас объединяет: маленькая, но очень некрасивая тайна.

На второй день после зачисления в академию я набрела на пекарню и нечаянно стала свидетельницей ссоры Эллины с бывшим женихом. Молодой купец, вернувшись из длительной поездки за товаром и узнав, что у него больше нет невесты, заскочил к предательнице высказать все, что о ней думает. Девушке повезло, что она не стала его женой: купчишка, прежде чем хлопнуть дверью, наотмашь хлопнул ее по щеке.

Опухшую красную щеку и кровоточащую губу, рассеченную кольцом негодяя, не скроешь от вспыльчивого молодожена, который вот-вот вернется в пекарню. И Эллина, судорожно останавливающая кровь мокрым платком, только и могла что шептать: «Власко его убьет, а затем сядет в тюрьму… Убьет и сядет…» Проникшись ее уверенностью и не думая о последствиях, я сняла браслет и убрала следы удара.

Моя мама утверждает, что девушку должен защищать ее избранник. Но если ошибешься с выбором, готовься к тому, что оберегать себя и свою семью будешь сама… Так и вышло у Эллины, которая знала о бешеном нраве ревнивца, но все-таки вышла за него замуж и вынуждена была молчать о своей обиде, чтобы супруг не угодил за решетку…

Вспыльчивый Власко не узнал о визите бывшего жениха, и трагедии не случилось. О том, что я целительница, а не магичка-бытовик, Эллина своей новой семье не сообщила, честно храня мой секрет.

– Действительно вкусно. С творогом и орехами мне понравились больше всего, – искренне хвалю старательную девушку. – Так что там ты хотела рассказать?

– Алона решила женить еще одного сына.

– А Слав об этом знает? – улыбаюсь я.

Средний сын пекарши слывет бабником и кутилой. Но, несмотря на тягу к транжирству, Алона доверяет ему закупку продуктов для пекарни. И вроде парень неплохо справляется, заменив отца, погибшего год назад во время очередного наплыва нежити под стены Вышеграда. Старшему Бороде и его попутчикам не хватило считаных минут, чтобы обоз въехал в город.

– Нет, она хочет женить Бриса, – девушка прыскает со смеха, – и уже составляет список угодных невесток.

– Ого!..

Как там в сказках? Старший сын – умный детина, средний – так и сяк, а младший вовсе как дурак… В целом Брис безобидный, добродушный парень, немного

медлительный на решения – он даже с посетителем пекарни не может расплатиться без одобрительного взгляда матери, начиная смущаться и сбиваться в счете. В этом, подозреваю, виновата только сама Алона, до сих пор не выпустившая последнее чадо из-под своей юбки.

– Ага. И главный признак лучшей женушки для Бриса – здоровье и толстый зад.

– Зачем толстый зад? – Заинтригованная, я толком не прожевываю, торопясь спросить.

– Чтобы рожала легко.

– А, ты хотела сказать широкий таз? – Заметив, что на лице девушки проступает печаль, прямо спрашиваю: – Что случилось, Эллина?

– Свекровь говорит, что я бесплодна, и требует, чтобы мы с Власко сходили к целителю. А я боюсь, что она не ошибается.

В чем-то пекарша права, желая невестку с широкими тазовыми костями. Таким женщинам рожать обычно легче. Но совсем необязательно, что тонкокостная Эллина не может иметь детей.

– Вообще-то, если беременность не наступает спустя несколько месяцев после свадьбы, рано говорить о бесплодности. Иди сюда, я посмотрю.

Эллину упрашивать не надо. Несложные диагностирующие заклинания первому курсу разрешены, но браслет лучше снять: женские болезни нам еще не преподавали, и за крупицы знаний я должна благодарить маму.

Вытерев руки о поданную салфетку с цветочной вышивкой, аккуратно прощупываю низ живота Эллины через тончайшую ткань платья, одновременно магическим взором выискивая пятна и узелки на ауре.

Некоторые целители пренебрегают пальпацией, тогда как моя мама считает ее обязательной, особенно для брюшной полости. Физический контакт врача с пациентом магией не заменить.

Я в этом убедилась на примере пару лет назад, когда мама нащупала в жировой ткани молодой аристократки яйца водяного паразита, подцепленного ею во время купания в модном грязевом озере близ столицы. Диагностирующими заклинаниями крапчатого червя сложно выявить, и он может годами жить в теле своего носителя, медленно его отравляя.

– Эллина, ты здорова, – торжественно объявляю девушке, забывшей дышать во время осмотра.

– Спасибо! Ты чудо, Соннэя!

Улыбаясь, поднимаю голову и от неожиданности вздрагиваю. Приникнув лицом к стеклу, так что нос некрасиво плющится, в окно за нами подсматривает какой-то мужчина. О нет, не какой-то. Это Слав, средний сын пекарши.

Звякает колокольчик, и молодой человек, щеголевато одетый, скорее в манере магов-боевиков, чем мещан, входит в магазин. Его темно-карие глаза маслено блестят:

– А что вы здесь делаете, девулечки?

Вот это его снисходительное «девулечки» раздражает не только меня – Эллина пренебрежительно фыркает:

– Я работаю, Слав. Соннэя совершает покупки.

– М-да? И что же она покупала, оглаживая твою талию? – вкрадчиво любопытствует средний Борода.

– Это я покупала… услугу бытовика.

– Что? – удивляется Слав, и его похабная ухмылка вянет.

– Я жирное пятно посадила на новое платье, – глядя на деверя честными глазами, объясняет девушка. – Соннэя меня выручила. Спасибо тебе огромное!

Эллина не ограничивается словами – в мою сумку опускается большой пирог с мясом. Мне неудобно, чувствую себя побирушкой, но отказаться – значит вызвать подозрение у Слава. К тому же, если Алона узнает, что я не взяла плату, попытается понизить цены на мои услуги бытовика.

– Ах, пятно, – разочарованно протягивает Слав и уже другим, деловым тоном сообщает: – Мать прислала меня на замену. Иди домой, Эллина, к мужу.

– Ладно, раз в моих услугах больше нет нужды, я тоже пойду. До свидания!

– Подожди, я с тобой, Соннэя.

Эллина вмиг избавляется от передника и, подхватив со стула подбитый мехом плащ, подходит к деверю. Слав молчаливо помогает ей одеться, при этом пытливо глядя на меня.

Спасибо святым покровителям за находчивость Эллины. Держала бы ответ я – обязательно призналась бы, что проводила диагностику. И ушлый Слав свою выгоду не упустил бы… А выполнять еще чьи-то прихоти для меня катастрофично.

На посещение пекарни я потратила больше времени, чем планировала. Поэтому, добавив несколько свежих зелий в лекарский ящичек, потрясающе вместительный, с обилием ячеек, подаренный мэтром Фликсом, быстро переодеваюсь и иду на место встречи с Йолем. И приблизительно через час приступаю к своим обязанностям.

А если точнее, то пытаюсь приступить…

Я пока лишь дважды приводила в порядок внешность девушек Фло, и моим наставником был целитель Херт. Он же и брал на себя основную часть работы, я была на подхвате. А сегодня пожилой господин прийти не смог: владелица борделя сообщила, что он заболел, и лоск навожу я одна.

И без целителя Херта утро погублено, быстро превращаясь в фарс…

– В очередь, губошлепка! – орет на Пиону высокая брюнетка.

– Я на своем месте, кобылища!

Лица закутанных в простыни куртизанок красны, кулаки сжаты. Если бы не строгость хозяйки борделя, они давно бы вцепились друг другу в волосы. Но, к счастью, за подобное серьезно наказывают вплоть до выдворения из «Сада Фло».

– Растетеха!

– Хабалка надутая!

– Успокоились обе, дурынды стоеросовые! Пока Садовница не пришла! – кошкой шипит третья куртизанка.

– Девчонки, хватит визжать! – кричит позади нее миниатюрная шатенка с волосами до колен. – Заткнитесь!

– Пусть губошлепка занимает очередь!

– Повторяю для глухих! Я тут стояла до тебя, тупая ты лахудра!

Растерявшись, я беспомощно наблюдаю за перепалкой девиц, которые старше меня самое малое года на два и по жизни опытней раз в десять. Я не знаю, что делать, как их успокоить, навести порядок, пока и вправду не пришла госпожа Фло. Старого целителя девушки уважают и боятся, ведь от его вердикта зависит, останутся они тут или их попросят уйти. Стоит ему сказать: «Цыц, шлюшки!» – и наступает тишина.

А я… Им известно, я – временное здесь явление. Та, кто заклинаниями уберет веснушки на теле, придаст волосам блеск, а коже бархатистость. Со мной можно не считаться.

Хотя…

– Рты захлопнули, шлюшки! – Чувствую, как мой язык горит после гадкого ругательства. Впрочем, щеки под маской тоже.

Какофония из визга и кошачьего фырканья стихает. Голубые, зеленые, синие, карие, серые глаза широко распахнуты, ненакрашенные губы округлены.

– Кто не хочет остаться лысой и вылететь на улицу, заткнулись, ясно?

– Ты не посмеешь, деточка, – произносит тоненьким голоском Виола, сидящая в дальнем конце купальни. Маленького роста, хрупкая девушка выглядит как несовершеннолетняя, тогда как на самом деле ей скоро исполнится тридцать. – Фло не простит порчу нашей внешности.

– Скажу, что перепутала крема, – нагло улыбаюсь я, а у самой внутри все холодеет от страха не выдержать заявленный тон игры. Отступлюсь, не проявлю твердость – и стану для этих девиц говорящим дополнением к баночкам с зельями. – Я-то свой проступок отработаю, а ты? Спроси у Пионы, нужны ли Садовнице уродцы?

Грубо и некрасиво. Я знаю, но иначе нельзя.

Тишина в купальне удручающая. Куртизанки глядят на меня потрясенно. Еще бы! Вежливая целительница неожиданно нагрубила. Святые покровители, как мне стыдно…

– Иди, Пиона, ты вроде как-никак приболела, – внезапно произносит брюнетка.

– Спасибо, Мирта, – белозубо улыбается моя вчерашняя пациентка и лебедем проплывает вперед. – Я запомню твою доброту.

Остальные девицы молча выстраиваются в ряд позади них.

– Соннэя, вчера я все делала так, как ты велела, – хвалится Пиона.

– Вижу. Ты молодец, губы в порядке. Теперь давай посмотрим, что с остальным.

Пиона, поведя точеными плечами, сбрасывает простыню, в которую куталась. Не стыдясь своей наготы, заводит руки за голову и медленно поворачивается, демонстрируя всю себя.

– Крем для удаления волос, – вручаю ей черную баночку.

– И все? – удивляется блондинка.

– Потом добавлю осветляющее заклинание – госпожа Фло недовольна, что твои волосы потемнели на пару тонов.

– А чего она хотела? Зима, солнца нет, чтобы они выгорали. – Хмыкнув, Пиона уходит со своим зельем.

Следующая Мирта. Чернявая куртизанка хмурится, но покорно демонстрирует тело.

– Волосы подними. Спасибо. Теперь улыбнись.

К черной банке она получает отбеливающую зубы пасту и совет пить меньше ирдийского чая.

Девушки, переименованные Садовницей в честь цветов, идут стройной вереницей. Жасмин, Азалия, Гардения, Примула, Камелия, Цинния… Расслоившиеся ногти, огрубевшие пятки, тусклые волосы, досадливые прыщи и пигментные пятна… И средства борьбы с ними – крема, притирки, примочки, порошки и заклинания.

Виола подходит в числе последних. Безмятежное личико в форме сердечка не выражает каких-либо эмоций – это ее обычное состояние. Тогда как для гостей, выбирающих подруг на ночь, она правдоподобно играет задорную, взбалмошную девицу, только-только перешагнувшую порог совершеннолетия.

Когда я впервые увидела Виолу, ужаснулась тому, что госпожа Фло незаконно удерживает в борделе девочку-подростка… Повезло, что целитель Херт удержал от доноса стражникам, иначе испортила бы отношения с Фликсом и его сестрой из-за недоразумения.

Господин Херт (титул учтивости и право на обращение «эрд» он утратил по собственной, как старик выразился, глупости) на многое открыл мне глаза. В частности, убедил в полезности и необходимости борделей, которые еще

какие-то тридцать лет назад в Кронийской империи были под запретом.

Во все времена сильному полу требовалось больше физической любви, чем он мог получить бесплатно. В Вышеграде таких мужчин – две трети жителей: воины и маги-боевики гарнизона, студенты ВАМП. «Всем им нужны нежность и тепло, – объяснял целитель, – иначе они, – ох, бедняжки-то какие! – не смогут защищать город и империю. И хорошо, что есть женщины, которые готовы удовлетворить спрос на ласку за определенную цену. Они оберегают нравственность, давая добровольно то, что сильный пол так жаждет получить, порой идя на преступление…»

После Виолы, уносящей три баночки с кремами и зачарованную на кудрявость расческу, ко мне подходят сестрички Рут и Рози.

Темноволосые смешливые девушки решаются заговорить не по делу, тем самым разряжая грозовую атмосферу в купальне.

– Девчонки, а знаете, сколько ушло времени на осмотр? – весело произносит Рут. – Всего полтора часа!

– Ого, мы сегодня быстро управляемся, можно будет отоспаться, – радуется Пиона.

Избавившись от лишней растительности на теле, она отмокает в широком бассейне купальни. Отмокает, естественно, голышом.

– Это не мы быстро, а Соннэя, – возражает Рози и прыскает в кулачок: – Она-то не выбегает в туалет каждые полчаса, как Херт…

Дружный громкий хохот заполняет купальню. Полуголые красавицы сейчас искренни и лишены малейшего жеманства.

Я недоумеваю. Что смешного? Целитель уже в возрасте, влажность и высокую температуру ему переносить тяжело, а они, бессовестные, хохочут. Или я чего-то не знаю?..

Успокоившись, Рут интересуется:

– Фло предупреждала, что нам с сестрой можно выкрасить несколько прядей в синий и зеленый?

В самом дорогом доме терпимости Вышеграда волосы куртизанок, следуя моде среди аристократок страны, красят в естественные тона. Сейчас только студентки-магички из простолюдинок да богатые мещанки порой решаются оживить свой облик пестрыми прядками. А все из-за табу, возникшего благодаря вдовствующей императрице, которая ненавидит радужноволосую фаворитку сына. И аристократки, опасаясь впасть в немилость, предусмотрительно отказываются от давней традиции магией расцвечивать локоны. А всего каких-то пять лет назад, по словам мамы, прически придворных дам поражали феерией цвета.

Собираясь в Вышеград, я первым делом наколдовала себе фиолетовые локоны и только потом прикупила амулет, слегка искажающий внешность. Слабенькая маскировка, и все же теперь мало кто заподозрит меня в причастности к родовитому семейству.

– Предупреждала, да. Займусь окрашиванием, как только закончу стандартные процедуры…

Я резко умолкаю, и Рут пугается:

– Что? Что-то не так со мной?

Все девицы настороженно смотрят на нас. Даже Рози делает осторожный шажок в сторону от сестры. Нехорошие болезни излечимы, но занимается ими целитель Херт, что делает процесс выздоровления, по словам куртизанок, невыносимым.

– У тебя воспаление. Я извещу госпожу Фло, что работать тебе нельзя минимум двое суток, пока будешь пить отвары.

Беспокойство сменяется облегчением, и девушки больше не прислушиваются к нашему разговору.

– Двое суток я и сама не прочь отдохнуть после вчерашнего, – объявляет Рут, довольно потягиваясь.

И я вспоминаю не только о том, что близняшек посещал оборотень, но и о Каррае, идущем к Мартике. Настроение почему-то портится.

Завершив все процедуры, вызываю Йоля. Вместе с вышибалой поднимаемся к кабинету госпожи Фло. Постучаться не успеваю – дверь распахивается сама, и Фло огорошивает:

– Раз Херта нет, Корицей занимаешься ты.

– Но…

– Не спорь со мной, Соннэя! Я и так слишком снисходительна к тебе, цветик. Болячки не лечишь, неугодный плод не вытравливаешь, зелья очарования не варишь. – Перечисляя, Фло загибает пальцы, и я невольно замечаю, что ногти у нее заострены. Похоже, маникюр в стиле оборотниц снова входит в моду.

– Жалуйтесь господину Фликсу, пусть переводит меня в другое место.

Фло грозит ухоженным пальчиком:

– Думаешь, самая хитрая? Не дождешься! Осмотри Корицу, уверяю, там нет ничего, с чем бы ты не справилась.

Что-то очень в этом сомневаюсь. Как и Пиона с Мартикой, Корица – девушка на особом положении. Но если первая поразительно красива, а вторая имеет слабый магический дар, то третья куртизанка интересна мужчинам, которые любят причинять боль.

О том, что такие существуют, увы, я узнала не здесь, а немного раньше.
И вспоминать об этом совсем не хочется…

Я могу еще поломаться, отказываясь исполнять часть работы господина Херта, но совесть не позволяет, напоминая, что целители должны помогать всем страждущим. А Корица с ее особыми клиентами в моем лечении нуждается наверняка.

– Хорошо, я это сделаю, – на лице хозяйки борделя расплывается улыбка, которая тотчас вянет, – а вы увеличите плату в два раза.

– Соннэя! Святая Виржия не любит жадных девочек!

– Святая Виржия не любит девочек бедных, потому что они не могут сделать ее дому подношения. – Слова вырываются прежде, чем я их осмысливаю.

Нет, все-таки работа здесь меня портит.

Йоль одобрительно подмигивает, а госпожа Фло хохочет, и ее пышный бюст весело колышется.

– Ладно, накину ползлатника сверху, вымогательница. Иди, цветик, Корица тебя ждет.

Пока поднимаемся на третий этаж, успеваю себя осудить, а затем простить. Я работаю в борделе, но не по своей воле. С другой стороны, здесь студентка первого курса получает больше, нежели при больнице академии под присмотром целителя-наставника. Там платят сущие гроши, которых не хватит для достижения поставленной цели, даже если я перестану есть.

Стучусь в дверь. В ответ тишина.

– Уснула она, что ли, пока ждала?

– А ну, дай я.

Йоль настойчиво тарабанит. Молчание… И меня осеняет: а вдруг ей стало плохо?!

Отпихнув здоровяка, я резко открываю дверь, вбегаю в комнату и сбиваю с ног миниатюрную девушку, да еще придавливаю ее собой.

– Слезь с меня… – хрипит Корица, прозванная так хозяйкой за золотисто-коричневый цвет волос. – Йоль, спаси!

– Извини. – Поднявшись, помогаю встать своей пациентке. – Ты не отвечала, и я испугалась, что тебе плохо.

– Я говорила «войдите», ты просто глухая, – сипит куртизанка, заново перевязывая пояс халата.

Угу, этот шепот услышит разве что оборотень. Мысленно делаю себе пометку: исцелить сорванное горло.

– Соннэя, я пойду?

– Конечно, Йоль, – отмахиваюсь от охранника, погрузившись в диагностику.

Через пять минут список увечий удлиняется: синяки, следы плетки, потертости от веревки, краснота глаз, тусклые волосы…

Мои собственные волосы встают дыбом. А Корица, не замечая реакции на свои слова, испытывает восстановленный голос, рассказывая, как ей повезло с нынешним поклонником:

– Страстный и умелый, он мастер превращать боль в наслаждение… И думает в первую очередь о моем удовольствии, такой заботливый!

Невольно кошусь на еще не убранные следы от связываний. Да, очень заботливый…

– И безумно щедрый – платит за ночь, даже когда не собирается появляться, лишь бы Фло не предлагала меня другим. И, наверное, красивый. – Заметив мой недоуменный взгляд, мечтательно поясняет: – Он, как и ты, носит маску, это так романтично!

Одно из двух: или лицо господина сильно изуродовано, или он женат и боится, что супруга узнает о его темных пристрастиях.

Исполнив свои обязанности, едва ли не выскакиваю из комнаты.

А Корица вежливо кричит вслед:

– Заходи как-нибудь еще, поболтаем за чаем!

Пребывание рядом с куртизанкой, считающей боль удовольствием, тягостно до такой степени, что, позабыв о правилах безопасности, я не вызываю охранника.

И за это вскоре расплачиваюсь.

– Блудницы! Прелюбодеи! – Грозно крича, по коридору быстро шагает мужчина в темном камзоле. Полы его расстегнутого плаща напоминают опущенные крылья падальщика.

Всполошенные куртизанки выглядывают и, охая, прячутся обратно.

– Создатель и его наместники покарают вас!

Обычно с обличительными речами в бордель прибегают жены, узнавшие, где ночами пропадает благоверный, или служители дома какого-нибудь святого… Как правило, Фло таких живо приводит в чувство.

Тотчас сориентировавшись, пытаюсь также укрыться. Поздно! Блюститель нравственности меня замечает:

– Распутница! Своим дыханием ты оскверняешь мир!

Мои ноги резко подгибаются – в полумраке коридора я наконец узнаю мужчину. Граф Рубер Уман Эктор, младший и единственный оставшийся в живых сын герцога Монтэма, владетеля этого сурового края и Вышеграда в частности, а также одного из меценатов ВАМП.

Схватив меня за предплечье, благородный эрд вопит прямо в ухо:

– Развратница, а еще чародейка! Не отпирайся, я чую в тебе магию! Император оплачивает учебу, а ты продаешь свое тело, тварь?!

– Эрд, успокойтесь! Вы ошибаетесь!

Я вижу, как в конце коридора появляются бледный Йоль и запыхавшаяся Фло. Но могу надеяться лишь на себя – применять силу к чопорному аристократу, входящему в городской совет, они не решатся.

И пока меня трясут так, что клацают зубы, свободной рукой вытаскиваю из горловины платья знак святой Виржии, свидетельство зарока жить в чистоте.

– Вы ошибаетесь, эрд, я не блудница!

Взгляд на амулет, и герцогский отпрыск сдувается.

– Но… но что ты тут тогда делаешь? – искренне изумляется граф Эктор. Секунда, и его лицо багровеет от гнева. – А-а-а! Ты здесь практикуешь, мерзавка!

Тонкие пальцы, быстро-быстро перебирая ткань, закатывают поочередно рукава моего платья:

– Где?.. Где браслет?!

Папочка, ты сейчас далеко, но, надеюсь, ощущаешь мою благодарность! Спасибо, что показал, как снимать следящие артефакты!

– Эрд, вы ведете себя недостойно! – Пока аристократ стоит ошарашенный, представляю на своем месте мамину сестру, умеющую замораживать любого своей надменностью. И требую: – Отпустите меня!

Растерянный граф Эктор подчиняется:

– Что вы забыли в обители порока, эрдесса?

Опасаясь наткнуться на подобную облаву, устроенную хранителями общественной морали, я заранее подобрала разные варианты ответов для разных ситуаций.

– У меня скоро свадьба, должна же я знать, чего ожидать в первую брачную ночь?

– Эрдесса! Ваши устремления – дорога к погибели! Одумайтесь и не читайте никчемных книжонок!

Эту версию я действительно подсмотрела в романе модного писателя. Сюжет «Поцелуя темного принца» прост: юная аристократка, желая порадовать жениха, просит куртизанок обучить ее искусству соблазнения. И после череды приключений выходит замуж за самого принца Ирдийской империи. Вздор, безусловно, мы с мамой смеялись, читая об этом, но было время, когда в столице не одному отцу благородного семейства пришлось вытаскивать глупую дочурку из борделя. К слову, правитель Ирдии предупредил автора любовного романа, чтобы тот не появлялся в его стране.

– Эрд, проводите душеспасительные беседы со своими детьми.

Гордо вздернув нос, я иду к ошарашенным зрителям моего маленького представления.

– Эрдесса, представьтесь, я обязан поговорить с вашими родителями!

– Я совершеннолетняя, эрд, не утруждайтесь. – Вру и не краснею.

Не дожидаясь ответных действий аристократа, ускоряю шаг и вскоре сбегаю по лестнице на первый этаж.

– Ну ты и лицедейка… – догнав, одаряет меня комплиментом Йоль. – Не высовывайся из кабинета Фло, пока она разбирается с аристократом.

И я не высовываюсь. После всех неприятных событий меня трясет, хочется с головой укрыться одеялом. Или хотя бы попить водички.

Нахожу хрустальный кувшин и, проверив его содержимое на наличие ядов (вдруг один из цветиков, обидевшись на хозяйку, вздумал ее отравить?), заклинанием придаю свойства успокоительного и жадно пью прямо из сосуда. Да, я нарушаю одно из своих правил – не касаться напитков и еды под крышей этого дома. Но я испугалась до полусмерти, а пара глотков наговоренной воды поможет продержаться до конца дня.

Дагер, племянник Фло, без прикрас описал коварство родной тети в первый же день, когда меня направили сюда на работу. Как-то Фликс, его отец, попросил сестру помочь избавиться от неугодной невесты сына, и Фло, ловко войдя в доверие пары, напоила девушку чаем со снотворными травами, а затем уложила несчастную в кровать ее старинного поклонника. К чести Дагера, он не отказался от возлюбленной, да только она выбрала не его, а другого, того, с кем проснулась…

Амулет вызова, накаляясь, обжигает шею. Срываю – красный! Срочный вызов, вопрос жизни и смерти! Но кто и где нуждается в помощи?.. Точно не в борделе – за мной просто явились бы.

Фло вбегает в комнату, когда я уже поправляю капюшон плаща:

– Собирайся! Рыжего подрезали!

– Йоль уже возле кареты?

– Нет, тебя повезу я, – звучит с порога низкий голос.

Как любила говаривать моя нянька, о степном волке речи, а он навстречу.

Мысленно упомянутый Дагер внешне спокоен, можно лишь догадываться, как сильно он переживает о товарище.

Без споров спешу за молодым человеком, несмотря на то что ехать с ним в одной карете ужасно не хочется. И Дагер об этом знает, поэтому не пристает с разговорами.

Лишь на заднем дворе «Сада Фло», увидев привязанную к коновязи мышастую лошадь, с укором смотрю на спутника.

– Соннэя, верхом быстрее, Рыжий истекает кровью.

Хочешь не хочешь, а ехать с Дагером придется.

И вскоре наша лошадь уже скачет по улицам Вышеграда резвым галопом.

У дома святой Виржии, покровительницы любой женщины, независимо от ее возраста, социального или семейного статуса, мы останавливаемся. Нас ждут: один юный служка забирает поводья, другой провожает к боковому входу.

– Прости, Соннэя, правила прежде всего. – Дагер вынимает из кармана темно-зеленого камзола плотный платок и завязывает мне глаза.

Некоторое время иду, ведомая под руку типом, на которого безумно зла. На Рыжего, кстати, тоже. И его я ненавижу больше – он усложнил мое пребывание в Вышеграде, поставив выполнение цели под угрозу.

Скрип двери. Запах затхлости и плесени ударяет в нос. Мы начинаем спускаться в катакомбы.

– Осторожно, ступени. Их четырнадцать.

Когда я впервые спросила о подземных ходах, Дагер предупредил, что Фликс не любит любопытных. Пришлось искать другой источник знаний – местных жителей, чьи предки обитают в городе со времен его основания.

Катакомбы тянутся не только под Вышеградом, но и под гарнизоном, врезаясь в горную гряду. Частью рукотворные, частью природного происхождения, эти ходы одно время были спасением для осажденных мирных жителей, которые могли уйти из оцепления в глубь империи. Однако полвека назад после землетрясения, устроенного вражескими магами, большинство тоннелей обвалилось – и карты устарели. Желания составить новые у градоначальника не возникло, тогда как у Фликса – очень даже. И подземный лабиринт остался доступен лишь криминальным гильдиям, которые лет двадцать возглавляет бессменный мэтр.

Уныло стонет ржавыми петлями очередная дверь.

– Порог, – любезно предупреждает сын теневого правителя Вышеграда. – Устала? Могу понести.

– Нет, сама дойду, – цежу сквозь зубы, иначе молчание Дагер расценит как знак согласия.

Запах плесени усиливается, а с ним усиливаются холод и влажность.

Святые покровители! Услышь я какие-то полгода назад, где доведется бродить, ни за что не поверила бы. Я и катакомбы?! «Нет, это невозможно», – поклялась бы тогдашняя я. И, к сожалению, ошиблась бы.

Случается, нашу судьбу меняет мгновение. Одно неосторожное слово, неосмотрительный взгляд или самонадеянный поступок – и спокойная размеренная жизнь идет наперекосяк. А Искуситель хохочет над потерявшим все горемыкой. Особенно недруг Создателя радуется, когда на добрый порыв отвечают черной неблагодарностью.

Буквально месяцем раньше я спокойно подрабатывала бытовиком в небогатых кварталах Вышеграда. Быстро очистить заклинанием кухню от копоти и жира, зачаровать кладовку от мышей, прогнать муравьев, уничтожить моль и восстановить цвет ткани – все давалось мне легко, хоть этому я училась, уже оказавшись далеко от дома. И небольшие, но стабильные суммы капали в мою шкатулку: я брала вдвое меньше, нежели студенты с бытового факультета, поэтому в трактиры, пекарни, магазины и мастерские меня приглашали охотно. Со временем можно было рассчитывать на разрастание клиентуры, и я спокойно бы собрала необходимую сумму, не нарушая закон.

Но однажды мне не повезло магичить на кухне трактира «Посох и шляпа», где люди Фликса назначили встречу пришлым конкурентам, пытавшимся урвать кусочек власти. Договориться бескровно о возвращении залетных туда, откуда они явились в Вышеград, не удалось.

И когда на кухню вбежала заплаканная дочь хозяина и запричитала, что им конец, ведь под их крышей ранили сына Фликса, я, глупая, вспомнила, что учусь на целителя. Я даже не удосужилась спросить, кто такой Фликс! Впрочем, даже зная, что истекает кровью единственный отпрыск мэтра криминальных гильдий Вышеграда, наверняка не смогла бы оставить его без помощи.

Рана оказалась неопасной, тем более что кровь остановил специальный амулет. И я с чистой совестью вернулась к прерванной работе, не подозревая о том, что товарищ спасенного, рыжий низкорослый нахал, залез в мою оставленную без присмотра сумку и вытащил браслет студентки ВАМП.

Его пропажу я обнаружила лишь дома. И промучилась всю ночь, гадая, куда он подевался. А рано утром, когда шла в «Посох и шляпу», надеясь отыскать браслет там, остановилась карета без гербов, и бывший пациент предложил нанести визит мэтру теневых гильдий.

Фликс встретился со мной, накинув иллюзорный облик. И поэтому о нем истинном могу сказать две вещи: приятный голос да силища, как у горного медведя, – одной рукой он, не напрягаясь, переставил стоящий на его пути дубовый стул. Переставил вместе со мной.

В первую же встречу мэтр, умело напугав меня, разузнал мое настоящее имя и обстоятельства, поспособствовавшие появлению в приграничном городе. Выведал почти все.

И больше я себе не принадлежала. Фликс рассказал, что ждет меня в ближайшее время, если откажусь работать на него: отчисление из ВАМП и магический вестник, отправленный тетке с сообщением, где искать беглую племянницу. И все, одну глупую жалостливую девчонку подвязали на незаконную целительскую практику.

Однако не все так плохо: Фликс почему-то не отказывает, когда прошу, чтобы запретных зелий, лечения нехороших болезней и вытравления плода от меня не требовали. Очень надеюсь, что из-за сына, у которого таки проснулась совесть…

– Мы на месте, Соннэя, – сообщает Дагер. – И я молю тебя – помоги Рыжему, на самом деле он хороший парень, что бы ты о нем ни думала.

Мастер воровской гильдии – хороший парень? Мир перевернулся…

– Я помогу ему не из-за того, кто он, а оттого, кто я.

Дагер, хмыкнув на мое пафосное заявление, стучится, судя по издаваемым звукам, в окованную железом дверь. Считаные секунды – и мы в помещении, где тепло и сухо.

Я слышу стон и прерывистое тяжелое дыхание. Когда платок сдергивают с моих глаз, не озираясь по сторонам, сразу бросаюсь к пациенту.

Рыжий мечется по полу, устланному толстыми коврами. Без сознания, в мокрой от пота и крови одежде, с кинжалом, торчащим из живота, он выглядит настолько скверно, что на миг я теряю уверенность.

Собраться помогает полный муки шепот:

– Пить…

Исполнить его просьбу, не зная, что с ним, нельзя, поэтому поскорее приступаю к осмотру.

Проникающее ножевое ранение брюшной полости без повреждения внутренних органов. Потеря крови не критична – у вора при себе имелся амулет, ее останавливающий. И просто замечательно, что ни он, ни его товарищи не выдернули нож из раны.

Медленно вытаскивая кинжал, вернее стилет, судя по трехгранному лезвию, тут же заживляю заклинанием поврежденные сосуды. Рыжий счастливчик, ничего серьезного не задето.

Только почему он без сознания, если кровопотеря незначительна? Интуиция вопит, что я что-то упускаю из вида. Куском обеззараженной ткани аккуратно очищаю освобожденную от ножа рану:

– Свет! Мне нужно больше света!

И мне его дают. Не вижу, кто подносит светильник ближе, да это и не важно. Имеет значение лишь то, что обнаруживаю: темно-алую суховатую кайму вокруг маленькой дырочки, будто оружие в момент удара раскалили. Склонившись над животом парня, принюхиваюсь – пахнет гнилыми яблоками. Неужели это…

Как бы мне ни хотелось ошибаться, но при осмотре вижу на стилете почти незаметные темные разводы – остатки орохорского яда, того, что не выявляется диагностирующим заклинанием, когда он в малых дозах.

– Вор отравлен соком горечавки лазурной, редкого и оттого дорогого растения…

– Противоядие у тебя есть? – резко перебивает Дагер.

– Нет. Можно лишь вывести из организма яд… попытаться вывести, если не слишком поздно.

– Действуй! – приказывает Дагер, голосом напоминая своего папочку.

За несколько мгновений развожу во фляжке с водой порошок из десяти очищающих трав, разворачиваюсь к мастеру воров и понимаю, что он…

Нет! Не может быть! Только не мой первый серьезный пациент!

Пока я паникую, руки действуют сами. Часть приготовленной жидкости выливаю на комок корпии и прикладываю к ране. Остальное лекарство отдаю Дагеру:

– Когда скажу, напоишь его. Ясно?

Руки на грудь. Связка из двух взаимодополняющих заклинаний: одно принуждает забиться сердце, другое – заработать легкие.

– «Scintillam», – взволнованно произношу слово-ключ, вглядываясь в раненого в поисках ответной реакции.

Лицо белокожего Рыжего кажется одутловатым, как брюхо полежавшей на солнцепеке рыбы. Запах гнилого яблока забивает мой нос, провоцируя дурноту.

– «Scintillam»!

Понимая, что в теле вора затухает последняя искорка жизни, продолжаю исчерпывать свой резерв энергоемкими чарами:

– «Scintillam»!..

В глазах темнеет. За спиной кто-то навязчиво зудит:

– Хватит, горечавка подействовала. Рыжий добрался до убежища слишком поздно…

Нет, не поздно. Какой негодяй этот Рыжий! Решил уйти к Создателю, не попросив прощения за то, что втянул меня в мир теневых гильдий?! Бессовестный!..

– Scin…

Мозолистая рука закрывает мне рот, не давая произнести заклинание. Затем кто-то оттаскивает от пациента:

– Дагер, именитые целители не всегда спасают отравленных горечавкой. Что ты хочешь от студентки?

После слов незнакомца до меня наконец доходит: я не справилась.

Святые покровители, мой пациент умер. Умер!

Рыжий, ненавистный Рыжий мертв…

Я когда-то пожелала ему смерти, и он умер. На моих руках умер… И руки мои в его крови…

Я не справилась! Создатель, я не справилась! И человек умер!

– Соннэя, эй! Слышишь меня?

Встревоженный Дагер щелкает пальцами перед лицом – я вижу и слышу его. Но ответить не могу… не вижу смысла. Я ведь не справилась…

– Наверное, ступор? – раздается сбоку тот же незнакомый голос, но желания взглянуть на его обладателя нет. – Вези ее к Херту. И скорее!

Смутно помню, как выбирались на поверхность, хоть глаза на этот раз и не завязывали. Да и дорога, похоже, иная – крутой лестницы не повстречалось, сам

путь сделался короче. А может, это потому, что меня несли на руках?

Хотя… это все не важно. Я не справилась. Рыжего больше нет. И я – никчемная магичка…

Немного прихожу в себя, услышав, как остервенело колотит в двери Дагер. Любопытство выползает из своего укрытия, чтобы вскоре опять впасть в уныние, – мы явились к целителю Херту.

– Кого там волкодлаки принесли? – произносит заплетающимся языком старик. – А, Дагер! Еще и не с пустыми руками пожаловал… Проходи.

– Что с ней?

– Сейчас посмотрим… – Целитель наклоняется, обдавая меня перегаром.

Господин Херт, болея, употребляет алкоголь? Но разве так можно? Впрочем, это не имеет значения. Неудачница не вправе давать опытному магу рекомендации.

– У нее умер пациент? Я прав?

– Да… Рыжего пырнули стилетом, смазанным горечавкой.

– У девочки изначально не было шанса спасти твоего друга.

– Что с ней?

– Срыв. Он поначалу случается у всех, а затем шкура грубеет, и чужими бедами нас не пронять. Ничего страшного, оклемается.

– Точно?

– Обижаешь, Дагер.

– Что нужно сделать, чтобы вывести ее из этого состояния быстрее?

Господин Херт, хмыкнув, произносит непонятные слова. Но мой носильщик почему-то злится:

– Захлопни пасть, старая пьянь! Иначе пересчитаю зубы!

– Дело твое, но так было бы быстрее и приятней, – насмешливо скрипит целитель. – Сейчас принесу зелье от нервов.

Херт возвращается с бутылкой, завернутой в бумагу:

– Девочка, послушай старого дурака, окажешься дома, выпей его обязательно. Тебе полегчает, поверь, милая.

И целитель гладит меня по щеке.

Как попала домой, помню смутно.

Понимание, что сижу на кровати в своем съемном флигельке, приходит не сразу. Руку оттягивает крепко сжимаемая бутылка с лекарством.

Господин Херт прав, я должна его выпить, если совсем уж небезнадежна как будущий врачеватель.

Раздираю бумагу… На пыльной этикетке золотится надпись «Слезы Шаора». Вместо успокоительного мне вручили ром, доставляемый из островного королевства Шаор? Напиток, стоимость которого один златник за бутылку?

Глухой смех вырывается из груди, и напряжение спадает.

Глава 3

Новый друг

Второй выходной пролетает, как скаковой жеребец в тумане, – быстро и незаметно. А все из-за Хертова «лекарства». Ром – мерзкая штука, хоть его запах мне и нравится, ведь приблизительно так пахнут мамины любимые конфеты.

Выпив вчера одну пятую часть бутылки, я тотчас проваливаюсь в сон. И сплю крепко, без кошмаров, до шести утра.

А утром приходит расплата… Голова болит, хочется пить. Попытки применить антипохмельное заклинание не увенчиваются успехом: впервые я забываю и графическое обозначение, и слово-ключ. Вспоминаются слова отца о том, что пьяный маг, колдуя, или себя угробит, или совершит великое открытие.

Я решаю не рисковать и иду по простому пути – варю специальный отвар.

Вообще заклинание, убирающее последствия неумеренного возлияния, у нас в семье особенное, совершеннее классического, от которого возникает небольшой побочный эффект: в течение трех-четырех часов протрезвевший испытывает повышенную жажду, а вместе с этим, естественно, и желание избавиться от лишней жидкости в организме. Маминому деду удалось устранить этот недостаток, и новое заклинание стало одним из фамильных секретов.

Когда отвар начинает действовать, закрепляю его результат чарами. Глядя на зеленоватую, осунувшуюся физиономию в зеркале, делаю вывод: такой способ лечить нервы не для меня. Видят святые покровители, я никогда больше не решусь пить алкогольные напитки!

Полежав еще немного в кровати с учебником по истории магии, занимаюсь домашними делами. Готовлю простой, но полезный завтрак, убираюсь в спальне и на кухне. После обновляю заклинание от муравьев, которые вылезают из-под пола, стоит затопить печь, а затем и от моли, жаждущей объесть мех с подкладки плаща.

О том, что разделю снимаемый флигель с еще несколькими десятками мелких «квартирантов», я узнала не сразу, иначе выбрала бы что-то другое, ведь предложения имелись. Однако когда недели через две после вселения, устав обновлять бытовые заклинания, попыталась договориться о новом доме, любезная старушка отказалась сдать мне комнату, а бездетная вдова и вовсе нагрубила. Наверное, здесь не принято уводить чужих квартиросъемщиков? И я

смирилась с неудобствами, в конечном итоге виновата сама: нужно тщательней присматриваться, прежде чем делать выбор.

Стынет чай, на тарелке еще несколько ложек кукурузной каши. Неожиданно во флигель влетает хозяйка, худощавая женщина. Как всегда, без стука.

– У моего супруга болит голова, – заявляет она. – Дай чего-нибудь.

– Доброе утро, госпожа Совкина, – произношу ровным голосом. – Простите, продать вам зелье не имею права. Пусть господин Совкин сходит на прием к целителю, головная боль – симптом многих серьезных недугов.

Владелица флигеля морщит острый нос:

– Он здоров как бык, целитель ему не надобен. А вот какие-нибудь укрепляющие зелья попить следует.

Прекрасно зная, что первокурсникам запрещена практика без присмотра наставника, выпрашивает лекарства или вообще чары она не в первый раз. Поначалу отказы даются нелегко, однако терять место в ВАМП я не имею права, приходится учиться себя пересиливать. Теперь в плохом настроении могу ответить даже резко, но здравый смысл всегда останавливает: если выставят с вещами, идти мне некуда.

«Целитель не надобен? Значит, и зелья мои тем более не нужны». Естественно, вслух я этих слов не произношу, хоть и очень хочется. На самом деле я пытаюсь схитрить:

– Простите, госпожа Совкина, но мои лекарства еще несовершенны и могут нанести вред здоровью вашего мужа. И ему тогда точно понадобится целитель…

Квартирная хозяйка задумчиво жует нижнюю губу:

– Нет-нет, Соннэя, я не позволю испытывать на супружнике твои непроверенные зелья!

– Вообще-то я и не собиралась…

– Ну да, знаем мы вас, недоучек! Везде ищете, на ком бы попрактиковаться втихую!

И хозяйка, не прощаясь, семенит к двери.

– Ах да, чего я приходила-то? Ты слишком много палишь дров. Доплачивай медс за них.

– Но вы же говорили, что дрова входят в плату за съем флигеля!

– Говорила, – покладисто соглашается госпожа Совкина. – Я-то не знала, какая ты мотовка!

Учитывая то, что топлю печь один раз в день, вечером, совершенно верно, я неэкономная…

– Через четыре дня, когда зайду за платой за постой, чтобы дополнительный медс был. Не нравятся мои условия – собирай вещи.

Хозяйка флигеля уходит, а я пью земляничный чай, не чувствуя вкуса. Да, грустно, когда ошибаешься в человеке, поначалу госпожа казалась хорошей и доброй женщиной.

Обида отпускает лишь на рынке: я отвлекаюсь, закупая продукты на будущую неделю. Раньше и не подумала бы, насколько это увлекательное занятие – выбирать, торговаться за каждую медяшку. И мне совсем не стыдно. Я ведь не ворую у продавцов, а отстаиваю свое.

К слову о кражах. В Вышеграде нужно держать ухо востро, здесь даже на зачарованный кошель найдутся ловкачи.

Стоило об этом подумать, как у левого кармана плаща ощущаю подозрительное шевеление… Но прежде чем завопить: «Держи вора!» – успеваю увидеть конопатую мордашку Лисенка.

Мальчишка с хитрыми медово-карими глазами, прячущий руки в непомерно длинных рукавах куртки с чужого плеча, ныряет в проход между лавок горшечника и бондаря. Ничего не остается, как следовать за ним, одним из доверенных посланников Фликса. А еще Лисенок входит в число тех, кто знает меня в лицо.

Глядя под ноги, пробираюсь на задворки торгового ряда. С независимым видом пацаненок стоит под деревом:

– Приветствую, Соннэя. Дело есть.

– Привет, Лисенок. Какое?

Он бросает кошелек, вытащенный из рукава:

– Мэтр передал.

Корзина не дает проявить ловкость, приходится подбирать мешочек с земли. Тяжелый, похоже, Фликс расплатился медью… Не пересчитываю – Лисенок честно выполняет поручения хозяина гильдий, ведь обман обернется для него суровым наказанием и понижением статуса в гильдии.

– Благодарю. На этом все?

– Да, – кивает он, продолжая стоять на месте. Чуть поколебавшись, добавляет: – Спасибо тебе за Рыжего.

Кровь приливает к щекам. Он что, издевается?

– Прости… за что?

Лисенок щербато улыбается, а в голосе звучит горечь:

– За то, что была рядом с ним в последнюю минуту, видеть перед кончиной красивую девчонку приятней, чем рожи товарищей. – Цинизм паренька нарочит, видно, что ему на самом деле больно. – Дагер рассказал о яде. Соннэя, спасибо, что боролась за моего брата до последнего.

– Брата?..

Я не раз видела мальчишку в компании Рыжего. Но не догадывалась, что они родственники.

– Наши матери кузины.

– Сочувствую твоей утрате.

Лисенок кивает. Секунда, и под деревом уже никого нет.

На душе печаль. Слезы выступают на глазах. Не думать о вчерашнем, выталкивая из памяти случившееся, тяжело. Сейчас я понимаю, что даже мама не спасла бы Рыжего от горечавки лазурной. Против вора сыграло само время.

Уже дома заглядываю в кошелек – и обмираю. Три златника! Три!

Первая реакция – испуг. Это ошибка, Фликс напутал, заплатив больше. Следом приходит радость: мэтр начал высоко ценить мою работу, значит, мне проще будет собрать необходимую сумму!

И лишь потом накатывает разочарование. Плату не повышали – мне заплатили столько, сколько и должны были. День красоты я провела одна, без целителя Херта, внешностью Корицы занималась тоже я. Да и Рыжий… Рыжего я не спасла, но выложилась серьезно. Так что за мои услуги рассчитались сполна, заплатив ни больше ни меньше.

Достаю из-под кровати дорожный сундук, потертый, весь в щербинах и сколах. Купленный в лавке подержанных магических вещей, он исправно служит, защищая содержимое от любопытных глаз и нечестных рук.

До крови уколов палец об острый уголок замка, шепчу отпирающее заклинание, и крышка поднимается сама. Под одеждой и тетрадями, на дне сундука, две шкатулки. Одна хранит двадцать пять златников, хотя бы еще столько мне нужно собрать к концу весны, к празднику Расцвета великой Ма, орохорской богини жизни и смерти. Другая шкатулка, почтовая, принимает магические послания, но только от одного человека, и вестей от него я жду с нетерпением и

страхом.

Вот и сейчас, спрятав заработанные монеты, открываю ее в надежде получить письмо с доброй вестью. Пусто. Дядя Энтоль, дальний родственник отца, как и я веривший в милосердие Создателя, ничем меня сегодня не радует. Впрочем, и не огорчает тоже.

Остаток дня тонет в привычных заботах: готовка, стирка, выполнение домашних заданий…

Засыпаю с мыслью о родных, и они мне снятся. Улыбающаяся мама сама делает мне прическу, вплетая живые цветы. Рассеянный отец, погруженный в мысли об очередном эксперименте, входит в мою спальню. На кончике носа сползшие очки, в руках два бархатных футляра, неизменная записная книжка оттопыривает карман камзола. Поцеловав маму, а затем и меня в висок, молча вручает подарки и уходит. Он торопится в лабораторию, забыв, что пора собираться на бал дебютанток. Мама смеется, говоря, что ее муж верен себе, обижаться на него глупо, все равно не заметит. В коробочках обнаруживаем удивительной красоты гарнитуры: мамин из платины и черных бриллиантов, мой из золота и аметистов…

Просыпаюсь со слезами на глазах. Сон – порождение моей фантазии, я так и не попала на свой первый бал, а футляр с изящными серьгами, браслетом и колье с лиловыми камешками папа вручил перед отъездом в Ирдию, наказав открыть его в день моего рождения.

Увы, исполнить просьбу не удалось. Гарнитур я продала, когда сбежала из дома тетки. Ювелир, изготовивший его по эскизам отца, вернул всего лишь полсуммы – четырнадцать златников. Я не обиделась, понимая, что он рисковал, имея дело с беглянкой, которую полагалось сдать страже.

Серое утро понедельника рисует морозные узоры на окнах. Иней сединой лежит на ветвях печально-черных деревьев. Зима в Вышеграде не всегда сурова, и пока можно благодарить Создателя за хорошую погоду.

Улыбаясь солнечным лучикам, настойчиво пробивающимся сквозь грузные тучи, иду по двору ВАМП. До начала первого занятия больше часа, в библиотеке

сейчас студентов нет, можно особо не спешить. Словарь по орохорскому, взятый на прошлой неделе, неудобен: транскрипция дается только к сложным в произношении словам. Для студентов второго курса, с которого начинают учить язык степняков, это, может, и приемлемо, ведь всегда можно обратиться к искуснику за помощью, но не для меня, самоучки. А изъясняться с четырехрукими придется уже на празднике Расцвета великой Ма: вожди не уважают чужаков, которые высказывают свои просьбы через переводчика. Надеюсь, библиотекарь подберет мне что-то более легкое.

– Близард! – окликают позади. – Близард, подожди!

Голос смутно знаком, и я останавливаюсь.

Три широкоплечих студента, явно с боевого, быстро оказываются рядом.

Я могу похвастаться хорошей памятью на схемы и заклинания, но никак не на лица. Начинаю лихорадочно вспоминать, где я могла пересечься с окликнувшим меня брюнетом и русоволосыми близнецами. В библиотеке? На полигоне перекинулись парой слов? Может, помогла выполнить задание по их спецкурсу «Самопомощь до прихода целителя»?

– Вот, парни, это та самая Близард, – презрительно кривя губы, произносит черноволосый. – Хорошенько запомните и не имейте с ней дел, если хотите жить.

Меня бросает в жар:

– Прости, что ты сказал?..

– «Простите, что вы сказали, эрд», – поправляет один из близнецов. – Перед тобой, деревенская подстилка, Аестас Эйлерт Монтэм, граф Фрайд.

– Что-что?..

Непонимание, жгучая обида смешиваются с удивлением, вызванным тем, что напротив меня стоит внук герцога Монтэма, правителя этих земель. Сокурсницы шепчутся, что юноша перевелся из столичного университета, чтобы быть ближе

к захворавшему деду.

– «Что-что»! – дурашливо передразнивает меня второй брат. – Девка вдобавок еще и глухая! Не рассчитывай, что в конце семестра кто-то из боевиков согласится стать твоим напарником. Все курсы будут знать, что поступила сюда ты через постель Вогара.

От стыда горят не только щеки, вся я.

– Я не любовница декана, клянусь святыми покровителями!

Считая, что некрасивые слухи уже стихли, как же я ошибалась! Если молодых людей не переубедить, ославят на весь свой факультет, если не на целую академию… Создатель, дай сил! Показывать медальон святой Виржии – значит породить новый виток сплетен, поэтому он мой последний аргумент.

– Вступительный экзамен и сессию я сдавала перед комиссией, искусник Вогар лишь добился для меня права начать учиться в середине года…

– Врешь! – прищуривается брюнет.

– Мои слова легко проверить, – шепчу чуть слышно.

Я выдерживаю прямой презрительный взгляд и вижу, как сомнение зарождается в чернильно-черных, словно безлунная ночь, глазах, а за ним – и сожаление. Наследник герцога Монтэма открывает рот, но произнести что-либо не успевает.

Один из близнецов хватает меня за руку:

– Взгляни на куколку, разве волокита Вогар мог пройти мимо такого цветка и не опылить?

Мне больно, и не только из-за вывернутого запястья. Почему люди везде ищут грязь?!

– Отпусти девушку, Раулл, – раздается позади нас.

В спокойном голосе неожиданного защитника мне чудится тихое рычание зверя.

Светловолосый смуглый парень широтой плеч не уступает боевикам. Его синие глаза сверкают злостью.

– Гарден, проходи мимо. – Молодой граф раздосадован: ни он, ни близнецы не заметили его появления – парень подкрался незаметно, как сумеречный хищник.

– Пройду, как только принесете извинения эрдессе.

– Простолюдинке? Да ни за что! – фыркает Раулл, но отпускает мою руку.

– Учась на целителя, она получает право называться эрдессой, – напоминает о законе мой защитник.

– Пусть сначала доучится, – презрительно морщится второй близнец.

Он прав. Ненаследуемый титул полагается целителям, боевикам и некромантам неблагородного происхождения после выпуска из академии, но не раньше.

– И мы возвращаемся к причине ваших нападок. – Студеный голос блондина приглушает запал аристократов, и даже граф отводит глаза. – Обвинения серьезны, мы можем подняться к ректору и потребовать разрешения обратиться к Неспящему Оку. Пусть артефакт покажет день, когда девушка сдавала экзамены. И если ей не оказали протекцию, вы извинитесь. Попросите прощения прилюдно, при всем факультете целителей.

Граф Фрайд примирительно произносит:

– Спокойнее, Гарден. Что девчонка – протеже Вогара, нам сообщила ее сокурсница. Аристократка ведь не унизится до того, чтобы оговорить простолюдинку?

Мой защитник снисходительно ухмыляется:

– Ай-ай, какая детская наивность, граф!

На скулах Фрайда вспыхивают багровые пятна.

– Зачем Элизаре Нейсс клеветать на нее? – Он бросает на меня пренебрежительный взгляд.

– Может, потому, что до моего прихода Элизара считалась лучшей адепткой потока? – говорю сама себе.

Печально, что в угоду ущемленной гордости родовитая магичка готова потоптаться по чужой репутации. А ведь я не стремлюсь к первенству, даже желания такого нет! Я стараюсь держаться в тени, но не все преподаватели понимают мою позицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lana-ezhova/vamp-praktikum-po-celitelstvu-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити